

ТЕОРИЯ • THEORY Научная статья • Article

С. Данкомб

Записки из подполья: зины и политика альтернативной культуры¹

Аннотация. В 2017 г. вышло третье издание книги «Notes from underground: zines and the politics of alternative culture» (Записки из подполья: зины и политика альтернативной культуры) американского профессора Стивена Данкомба. Автор исследует зины как рупор андеграунда, как возможность для «неудачников», не вписавшихся в капиталистическое общество, выразить себя. Зины, согласно Данкомбу, становятся средством конструирования идентичности, обретения своего места через присоединение к сообществу единомышленников. Уклоняясь от привычных издательских практик, зиноделы, следуя принципу «сделай сам» (англ. Do It Yourself, DIY), предпочитают аутентичность профессионализму, творчество – потреблению, личное – общепринятому и популярному. Зины, оставаясь в «дополитической» зоне, вступают в сложные отношения с политикой как таковой. Идеология зин позволяет непрерывно ставить под вопрос существующие культурные нормы, однако никогда не предлагает готовой политики и всегда приглашает зинодела оставаться в свободной зоне поиска. Это позволяет ускользать от культуры потребления, угрожающей вобрать в себя определенные андеграундные идентичности и стратегии. Новые вызовы для зин представляет селфпублишинг и в целом изменение коммуникативных практик, связанное с развитием интернета. В переводе двух частей книги, впервые представленных на русском языке, освещены фундаментальные вопросы о том, что такое зины и каково их место в современном мире².

Ключевые слова: самиздат, зины, культура андеграунда, DIY (Do It Yourself)

Для цитирования: Данкомб С. Записки из подполья: зины и политика альтернативной культуры / С. Данкомб ; пер. с англ. Г. А. Сегеда и А. К. Голованова // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 4. С. 267-277. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-4-2>.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024

Получена после доработки 15.11.2024

Принята для публикации 25.11.2024

Данкомб Стивен

Школа Галлатина, Нью-Йоркский университет, школа индивидуального обучения
Галлатина и факультет медиа, культуры и коммуникаций, школа Стейнхардта,
Вашингтон-Плейс, 1, Нью-Йорк, США,
профессор
ORCID: 0000-0003-0673-6409
e-mail: stephen.duncombe@nyu.edu

© С. Данкомб, 2024

© Г. А. Сегеда, А. К. Голованова, перевод на русский язык, 2024

¹ Перевод первой главы и послесловия: Duncombe S. Notes from Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture. Portland: Microcosm Publ., 2017. 254 p.

² Аннотация и ключевые слова составлены А. К. Головановой.

S. Duncombe

Notes from Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture

Duncombe Stephen

Gallatin School, New York University, Gallatin School for Individualized Study and Department of Media, Culture and Communications, Steinhardt School, Washington Place, 1, New York, NY 10003, USA, Professor
ORCID: 0000-0003-0673-6409
e-mail: stephen.duncombe@nyu.edu

Abstract: The third edition of *Notes from Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture* by Stephen Duncombe was published in 2017. The author researches zines as an underground's mouthpiece, as an opportunity for "losers" who do not fit in to speak up for themselves. According to Duncombe, zines serve as an identity constructor and help to find one's place through joining a community of like-minded individuals. By deviating from conventional publishing practices, zinesters, following the DIY principle, prefer authenticity to professionalism, creativity to consumption, and the personal to the accepted and popular. Zines, while remaining in the realm of the pre-political, engage in complex relationships with politics as such. The ideology of zines allows one for a continuous questioning of existing cultural norms, never offering fixed politics but always inviting a zinester to remain in a "free space" of exploration. This enables them to evade a consumer culture that threatens to absorb certain underground identities and strategies. New challenges for zines arise from self-publishing and the overall change in communication practices associated with the development of the Internet. The translations of two chapters from the book, presented for the first time in Russian, shed light on fundamental questions about what zines are and what their place is in the modern world.

Keywords: samizdat, zines, underground culture, DIY (Do It Yourself)

Citation: Duncombe S. *Notes from Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture* Translated from S. Duncombe's *Notes from Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture* (Portland: Microcosm Publishing, 2017. 254 p.) / S. Duncombe ; Translated from English by G. A. Segeda, A. K. Golovanova // Book. Reading. Media. 2024. Vol. 2, No. 4. P. 267–277. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-4-2>.

Received 01.11.2024

Revised 15.11.2024

Accepted 25.11.2024

От переводчиков

В книге *Notes from Underground* (Записки из подполья) (Portland, 2017)³ Стивен Данкомб совмещает различные подходы к зинам. Во-первых, он выступает как исследователь культуры и медиа, профессор Нью-Йоркского университета. Во-вторых, он опирается на свой опыт радикального активиста и политика, о котором неоднократно рассуждал в научных статьях о практиках сопротивления и контркультуре. В-третьих, он пишет об андеграундной сцене как ее бывший представитель, входивший в пару рок-групп в начале 1980-х гг. Эта стереоскопичность, характерная для многих проектов С. Данкомба, определяет, с одной стороны, особый стиль книги – далекий от привычно академического, неформальный, ироничный, с другой стороны – особый взгляд на зины. Как автор сам формулирует

в первой главе, его интересует «политика (politics) зинов и культуры андеграунда», то есть «то, что авторы зинов обозначают либо эксплицитно, либо, что нередко случается, имплицитно как проблемы современной культурной, экономической и политической системы; то, что они воображают или создают в ответ на эти проблемы; и какие стратегии и возможности открываются перед ними для претворения этих идеалов в жизнь как в частном, так и в глобальном масштабе» (Duncombe, 2017, p. 7). В зинах звучат голоса «из подполья» – тех, кого капитализм и общество потребления оставляют за скобками – маргиналов, чудаков, идеалистов. Как медиа, зины утверждают возможность для любого человека творить по принципу «сделай сам» (англ. Do It Yourself, DIY) вне зависимости от материальных условий, уровня образования, востребованности на рынке, сопротивляясь капиталистическим принципам максимизации прибыли.

³ Первое издание книги вышло в 1997 г. (прим. пер.).

Для перевода были выбраны два отрывка из «Записок из подполья». Первая глава Zines («Зины», перевод А. К. Головановой) затрагивает принципиальный вопрос об объекте исследования: что же такое зины? Автор очерчивает контекст андеграундной культуры и подпольных сообществ, в которых циркулировали зины, анализирует их политический потенциал, а также определяет ценности и стремления зинов. Глава служит введением в разнообразные аспекты проблематики, связанной с зинами, и является фундаментальной для всей книги.

Второй отрывок, выбранный для перевода, – послесловие *Do zines still matter? Some thoughts on self-publishing in the digital age* («Зины еще имеют значение? Некоторые мысли о селфпубблишинге в цифровую эпоху», перевод Г. А. Сегеды). Оно впервые появилось во втором издании книги (2008) и было без изменений перепечатано в третьем издании (2017). В послесловии Данкомб рассматривает зины в контексте новых технологий и медиа, интернета и селфпубблишинга и приходит к выводу, что зины в таких условиях не теряют актуальности и своей роли как медиума андеграундных сообществ и голосов, несмотря на то что некоторые принципы, включая DIY, были успешно интегрированы в массовую культуру. Не важно, что тексты, касающиеся современных медиа, имеют тенденцию быстро устаревать, – послесловие сохраняет свою актуальность за счет принципиальности вопросов о переломе в истории зинов, о значении аналогового способа распространения, возможности формировать сообщества в новых реалиях. Обе главы рассчитаны на широкого читателя, при этом они будут интересны и специалистам за счет уникальности привлекаемых материалов и разработки оригинального последовательного подхода к вопросу, сочетающегося со свойственной активистам ясностью формулировок.

Редакция и переводчики выражают благодарность автору за возможность опубликовать этот материал и надеются на продолжение сотрудничества.

Глава первая ЗИНЫ

Но что это такое? Обычно это первый вопрос, который мне задают, когда я захожу разговор о зинах. Мой изначальный и, вероятно, обоснованный импульс – протянуть в ответ стопку зинов и предложить найти решение самостоятельно, ведь я сам познакомился с ними именно так.

Несколько лет назад я отправился в Бостон навестить своих старых друзей, которые играли в музыкальной группе. Я планировал тусоваться с ними и работать в качестве их «роуди», то есть таскать оборудование на концерты, устанавливать и демонтировать его. В начале 1980-х я состоял

в паре панк-групп и, думаю, в какой-то степени хотел снова почувствовать то воодушевление и ту энергию, которые наполняют музыканта как участника группы и представителя субкультуры. К счастью, мое погружение в ностальгию закончилось, не начавшись: к тому моменту, как я приехал в Бостон, группа распалась. Мне было нечего делать, кроме как шататься по городу <...> и околачиваться в квартире моих друзей. Там, разбросанные повсюду, <...> лежали потрепанные самодельные брошюры. Небольшие издания с эксцентричным потоком мыслей и аляповатым дизайном. Зины. Хотя я и был понасытнее знаком с ними, еще когда сам был панком, я никогда не задумывался о них всерьез. Теперь же, имея в запасе уйму времени, я листал их часами напролет.

Я был ошарашен. Невероятным образом небольшие потертые брошюры хранили в себе честность, доброту, злость, прекрасную некрасноречивую ясность, бескомпромиссную жизнь, которую я обрел (и потерял) в музыке, а затем, годы спустя, в радикальной политике. В противовес нарочитой глянцеваемости музыкальных и модных журналов, банальщине многотиражных общественно-политических еженедельников и претенциозности академических изданий, здесь было нечто совершенно иное.

В зинах обыкновенные чудачки безыскусно рассказывали о себе и обществе с прямолинейной честностью, откровенной исповедальностью и здоровым равнодушием <...> к санкционированным авторитетам – не ожидая ни денег, ни признания, они писали для таких же маргиналов. Позже я обнаружил объемный журнал под названием *Factsheet Five*, битком набитый обзорами на зины, прошерстил списки и отправил запросы на сотни зинов. Кроме того, я обнаружил десятки тысяч изданий в архиве зинов Нью-Йоркской публичной библиотеки. Я даже начал печатать собственные зины и обменивать их на чужие. Я зарывался в эти провокационные издания с головой, и мне открылся целый новый мир, о котором я не имел ни малейшего понятия. Он был поразительно многогранен: зины издавали в таком разнообразии форм, стилей, тем и форматов, что и представить сложно. Но кое-что удивительное объединяло все, с чем я сталкивался в этом новом для меня мире: радикально демократический и кооперативный идеал того, чем общество могло быть... чем ему следовало быть.

В эпоху стремительной централизации корпоративных СМИ зины независимы, они опираются на локальную культуру, их издают в мегаполисах, пригородах и мелких городках по всей Америке, шивают на кухонных столах. В мире, одержимом знаменитостями, они чувствуют жизнь обычного человека. Неудачники в обществе, которое награждает лучших и талантливейших. Отвергая корпоративную мечту об атомизированном обществе,

разбитом в соответствии с прагматикой на отдельные целевые аудитории, авторы зинов формируют связи и создают сообщества вокруг разноплановых идентичностей и интересов. Вовлеченные в мрачную новую экономику сферы услуг с временной и «гибкой» работой, они переопределяют работу и вкладывают усилия в творчество, создавая зины как протест против рутинного труда ради чужой выгоды.

Противопоставляя себя обществу потребления, зиномеды отдают предпочтение этике DIY: создай собственную культуру и перестань потреблять то, что тебе предлагают. Не доверяя экспертам и политикам, которые убеждают нас, что законы рынка равны законам природы, сообщество зиномедов занято созданием культуры, ценность которой не отражается в прибылях и убытках в бухгалтерском отчете, эта культура складывается «на полях» и следует критериям контроля, связей и самобытности.

Я осознал, что зины, если рассматривать их как единое поле, это не прихоть, не бессвязные чудачивые бредни (впрочем, некоторые зины подходят под это описание), а непохожие друг на друга голоса скрытого мира, пробивающиеся в трещины капитализма и звучащие в тени массмедиа.

Зины обращаются к андеграундной культуре и говорят от ее имени. В то время как другие сообщества объединяются вокруг общей созидательной деятельности и культуры, зиномеды отличаются от пестрого разнообразия кружков по интересам политической осознанностью. Многие зиномеды рассматривают свою деятельность как саботаж, как альтернативу коммерческой культуре и потребительскому капитализму. Они открыто пишут об этом в зинах. После многих лет бесплодных левых академических и политических дебатов, в которых культуру нередко отбрасывали как не относящуюся к «настоящей борьбе», меня поразило то, что зины оказались формой настоящего культурного сопротивления. Способы мышления и действия, характерные для зиномедов, не были заимствованы из книг, не были подкреплены тщательным цитированием; скорее они были, простите мне это слово, органичными. Это был низовой радикализм, природная ветвь утопической мысли.

Я всерьез приступил к изучению зинов в конце двенадцатилетнего консервативного курса эры Рейгана⁴ и Буша⁵. При столкновении с этим левоафраном радикальная политическая оппозиция, в которой я принимал активное участие, годами разыгрывала одну и ту же трагедию. Вот одна из ее вариаций: лидеры организуют «массовую» демонстрацию. Мы идем строем. Мы скандируем лозунги. Второстепенные объединения раздают абсурдные листовки. Ораторы поднимаются на трибуну, чтобы

сообщить нам прописные истины. Мы надеемся попасть в новостные заголовки СМИ на пару минут. Иногда это нам удается, иногда нет. Кажется, ничего не меняется. Безусловно, существовали успешные и яркие примеры протеста и самоорганизации, такие как СПИД-коалиция для мобилизации силы⁶ в период расцвета или демонстрация во время съезда ВТО⁷. Но они выделялись на фоне провала остальных групп. Социальные движения того десятилетия, которые говорили с общественностью на ее языке и захватили ее воображение, были правыми, а не левыми.

В зинах я увидел зарождение новых возможностей: обновленную форму коммуникации и созидаания, которую переполнял разгневанный идеализм; медиум, который обращался к маргинальной и в то же время излучающей энергию культуре, которая, наравне с другими, могла вдохнуть в прогрессивную политику новую жизнь и увлечь новое поколение. Возможно, важнее всего то, что зины были успешны. На протяжении 1980-х, когда левые были оставлены за бортом, раздроблены и с трудом привлекали новых последователей, зины и культура андеграунда стремительно набирали популярность, находя глубокий отклик у разочарованной молодежи. Как панк, левый политический активист и теоретик культуры я был заинтригован их успехом. Быть может, думал я про себя, зины – это трещина в непробиваемой на вид стене системы; культура, порождающая новую волну осмысленного сопротивления.

Так я и решил сделать политику зинов и культуры андеграунда центральной темой моего исследования. В этом случае под политикой я подразумеваю то, что авторы зинов обозначают либо эксплицитно, либо, что нередко случается, имплицитно как проблемы современной культурной, экономической и политической системы; то, что они воображают или создают в ответ на эти проблемы, и какие стратегии и возможности открываются перед ними для претворения этих идеалов в жизнь как в частном, так и в глобальном масштабе.

Посвятив больше времени зинам и их авторам, погружившись в подпольный мир, я осознал, что в моей теории/фантазии о культуре андеграунда как авангарде мировой революции был небольшой недостаток. Наблюдая восхитительный взрыв радикальной культуры инакомыслия, я не мог не обратить внимания на то, что весь этот радикализм не выходил за пределы подполья. Наземный мир двигался в противоположном направлении.

⁶ ACT UP – AIDS Coalition to Unleash Power.

⁷ Всемирная торговая организация (англ. World Trade Organisation, WTO). В 1999 г. во время съезда ВТО в Сиэтле около 40 000 человек вышли на демонстрацию против глобализации экономики, эксплуатации рабочих в условиях капитализма, неравенства на рынке труда, безразличия к экологии (прим пер.).

⁴ Рональд Рейган – президент США в 1981–1989 гг. (прим. пер.).

⁵ Джордж Буш-ст. – президент США в 1989–1993 гг. (прим. пер.).

Вопреки избранию президента, который «чувствует нашу боль», политика становилась все более консервативной, а власть – все более монополизированной. Все более тревожило то, что зины и культура андеграунда, по всей видимости, не представляли угрозы для этого мира на поверхности. Даже напротив: в мейнстримных медиа «альтернативную» культуру радостно приветствовали и использовали для создания новых стилей и получения прибыли в коммерческом секторе культурной индустрии.

История всех протестных культурных и политических движений – это история неизбежного противоречия между разметкой новой территории и ее существованием в пределах ландшафта прошлого или с оглядкой на него. Но сегодня предъявить претензии на территорию сложнее, чем когда-либо. Больше не существует благородной буржуазии, в пику которой возникло авангардное искусство, или обывательской Америки, которую нужно было бы встряхнуть контркультурными ценностями; вместо этого изощренная маркетинговая машина пожирает все оригинальное и перерабатывает его в продукт нишевого рынка. Когда *New York Times* захлебывается от восторга от зинов, когда панк-феминисток *Riot Grrrls* освещают в *Newsweek*, когда «альтернативный» рок получает собственное шоу на MTV, когда так называемое Поколение X приобретает в глазах редакторов *Business Week* и *Advertising Age* вид ясно очерченного и прибыльного рынка, культурный бунт становится все более проблематичным. Андеграунд был обнаружен и поглощен практически до появления на свет. Альтернативную культуру открыла не только индустрия развлечений, но и академическое сообщество, особенно радикально настроенные гуманитарии вроде меня: они искали в новейшей истории агента, на которого можно возложить политические надежды или которого можно обвинить в их крушении. Однако в академической среде существует много неадекватных представлений о взаимоотношениях культуры и политики. Критики наделили идеологию капитализма тоталитарной силой и всеобъемлющим охватом, утверждая, что любое культурное высказывание выражает логику статус-кво. В последнее время критики сменили тактику на противоположную: они выводят возмутительные освободительные политические утверждения из наибанальнейших культурных явлений. Я не стремлюсь восхвалять или отвергать зины, поскольку это не идет на пользу ни исследованиям, ни социальным изменениям, я стремлюсь понять политику зинов и андеграундной культуры.

Для поддержания собственной легитимности власть имущим не нужно убеждать электорат в том, что существующая система – это панацея. Такой обман было бы непросто поддерживать,

слишком уж многое свидетельствует об обратном. Что сильным мира сего следует делать и чем они не раз и с большим успехом пользовались – это убедить массы в том, что не существует альтернативы. В дальнейшем я хочу показать, что зины и культура андеграунда предлагают альтернативу, способ понимания мира и совершения поступков на основе правил и ценностей, отличающихся от правил и ценностей потребительского капитализма. Эта альтернатива чревата противоречиями и ограничениями, но она открывает и новые возможности. И то и другое может стать для нас уроком.

Но что это такое? Попробуем еще раз: зины – это некоммерческие непрофессиональные журналы, которые циркулируют в небольшом кругу; авторы зинов самостоятельно занимаются их созданием, публикацией и распространением. Хотя формат зинов сформировался под влиянием долгой истории альтернативной прессы в Соединенных Штатах, как отдельное средство массовой информации они зародились в 1930-х годах. Именно тогда фанаты фантастики, часто на базе основанных ими клубов, начали публиковать так называемые фанзины, чтобы делиться друг с другом историями в жанре sci-fi и критическими комментариями к ним, а также чтобы находить единомышленников. Сорок лет спустя, в середине 1970-х, зины испытали определяющее для их будущего влияние фанатов панк-рока: не вызвав интереса у критиков из мейнстримных музыкальных журналов, они печатали фанзины, посвященные панк-музыке и панк-сцене. В начале 1980-х оба течения, к которым присоединились фанаты других культурных жанров, а также недовольные «самиздатчики» и то, что осталось от печати инакомыслящих политических активистов 1960-х и 1970-х, пересеклись и обогатили друг друга в списках и обзорах таких дайджест-зинов, как *Factsheet Five*. В то время как из слова «фанзин» пропал компонент «фан» (то есть «фанатский»), а их число увеличивалось в геометрической прогрессии, культура зинов трансформировалась. К началу 1990-х два редактора журнала, ранее известного как *Factsheet Five*, переименовывая свой зин для коммерческого издания, могли честно и без преувеличения назвать его *The World of Zines*.

Когда я думаю о типичном представителе этого мира, я вспоминаю Кристину Боартс, тридцатипятилетнюю составительницу зина *Slug & Lettuce*. Одетая в черное с головы до пят, с цветастыми дредами, пирсингом в носу и ушах, татуировками вокруг запястья и на плече, она все еще говорит о себе как о скромной и тихой девчонке со странностями, сидящей на задней парте в старшей школе, в городке, «где совершенно ничего не происходит». Но, как поется у *The Velvet Underground*: «знаешь, ее спас рок-н-ролл».

Небольшая панк-сцена в родном для Крис студенческом городке в центральной Пенсильвании подарила ей сообщество (за пределами ее либеральной семьи), в котором «было нормально быть не как все». Именно с помощью своего зина она наладила более обширные связи с андеграундом, в котором нашла «вдохновение и направление» для жизненного курса за пределами мейнстрима. Едва сводя концы с концами, она недавно опубликовала восьмой выпуск S & L, втиснув его куда-то между организацией панк-концертов, фотосъемками с выступлений групп, путешествиями по стране в фургоне и основной работой фотографа. На задворках общества, в котором успех равен покупательной способности, статусу и стабильности, небогатая маргиналка Крис абсолютно счастлива.

Большинство зинов – юные выходцы из семей, относящихся к среднему классу, если не финансово, то культурно. Белая молодежь, выросшая с некоторыми привилегиями в доминирующей культуре, они выбрали профессиональную стезю отклонения от нормы, которая вынесла их на обочину общества, карьерную мобильность «по наклонной», непопулярные музыкальные и литературные вкусы, <...> неортодоксальное художественное мировоззрение и политические идеи, подчеркнута нарушающие статус-кво (чаще левые, но иногда и правые). Подобно Крис, они попросту «не заинтересованы в игре по-крупному» в мире обывателей. И так, авторы и читатели зинов принадлежат к так называемой богеме, хотя их бы этот термин, вероятно, ужаснул своей банальностью.

Именно культура белого среднего класса, а также его недовольства заложили основу для зинов и андеграунда. Но поскольку характерными признаками зинов являются разнообразие и непредсказуемость, то чем глубже погружаешься в мир зинов, тем менее репрезентативным выглядит портрет молодого белого представителя богемы родом из среднего класса. Не все зиновцы молоды: например, гораздо более зрелый писатель, почитатель фантастики из Лос-Анджелеса Дон Фитч, который выпускал зин *From Sunday to Saturday*, говорит о своем возрасте так: «В 76 живу как семнадцатилетний». Некоторые зиновцы, такие как Фридом, старшеклассник из Статен-Айленда (одно из пяти боро Нью-Йорка), который выпускает *Orangutan Balls*, принадлежат к рабочему классу. А Франетта МакМиллан, афроамериканка из Делавера, выпускает зин *Sweet Jesus*, в то время как две чикано, Лало Лопес и Эстабан Сул, издают *Pocho «Kickin' Butt for La Raza» Magazine*.

Таким образом, издателей зинов в меньшей степени определяет их происхождение и в большей степени то, во что они верят. Я наткнулся на лучшее описание сходного типажа в собирательном

портрете 1946 года: «Такой человек движим некоторым недовольством, будь то ограничивающие рамки его мира или пренебрежение издателей, в общем, что-то кажется ему несправедливым, скучным или абсурдным. Он смотрит на издательский и культуртрежерский мир с презрением, а иногда с отчаянием... [и] он обычно настаивает на том, что издание не должно зависеть от капризов общественного мнения и вкуса».

«Капризы общественного мнения и вкуса» и вправду играли для авторов зинов скромную роль в выборе тем, которые охватывали практически все области – от возвышенного до нелепого, делая крюк через непостижимое. Единственное, что придает единство этой эклектике – очаровательность зинов маргиналиями. Это могут быть маргинальные области литературы или музыки, исследованные в фантастическом фанзине STET или в панк-рок зине *Philly Zine*. Или, как вариант, разметка пограничных политических явлений в анархистских эссе в *instead of A magazine*, консервативно-либертарианское разглагольствование в *Inverted-A HORN* или истории, мнения и фотоколлажи феминистской закваски в *Finster's*.

<...> Многочисленные зины маниакально каталогизируют призраков прошлого: *Show-Me Blowout* эксгумирует давно почившие гаражные группы Миссури из пятидесятых и шестидесятых; *8-Track Mind* посвящен любопытным фактам о восьмитрековых кассетах; <...> а *Past Deadline* переиздает газетные статьи девятнадцатого века. Другие авторы привлекают внимание к мимолетности настоящего и превозносят разнообразные стороны современной культуры потребления в сатирических ревью на массовую продукцию в таких зинах, как *Meanwhile* и *Beer Frame*. И даже границы смысла как такового испытывают на прочность: в зине, целиком посвященном кеглям для боулинга в различных обстоятельствах в *Eleventh Pin*; в *balcony of ignorance* с абсурдными текстовыми и фотоколлажами; в *Your Name Here*, каждый номер которого был отмечен новым автором, названием и содержанием. Такая крайне узкая специализация зинов – фантастика, панк-рок, восьмитрековые кассеты, отжившие свое гаражные группы Миссури – может ввести в заблуждение: в отличие от периодических изданий, ориентированных на нишевые рынки, зины не следуют продуманному плану маркетингового внедрения и не выбирают определенное направление с целью понравиться выгодной демографической группе. Большинство зинов имеют специализированную тематику, но лишь в той мере, в которой они соответствуют сфере личных интересов издателя, какой бы узкой она ни была. Итогом становится скорее не ограниченный набор отдельных проблематик, а амальгама многообразных интересов

авторов. В действительности, когда Майк Гандерлой, основатель Factsheet Five, попытался облегчить чтение, упорядочив обзоры зинов по категориям, его в ответ захлестнула волна писем. «Какая мерзость! Factsheet Five отсортирован по категориям/подзаголовкам? Кошмар!!! Когда мир зинов (zinedom) сводят к “определениям”, из него вынимают душу», гласит одно из возмущенных писем.

Типичный зин (хотя «типичный» в данном случае сомнительный термин) обычно начинается с очень личной редакторской колонки, затем переходит к паре дерзких эссе или критическому, описательному или восторженному потоку слов и завершается обзором других зинов, музыкальных групп, книг и т. д. Так распространяется поэзия, а также перепечатки из СМИ (некоторые ради информирования читателей, другие ради ироничного комментария), отдельные нарисованные от руки иллюстрации и комиксы. Редактор сам вносит свой вклад в содержание зина, запрашивает его у друзей или знакомых из сообщества или, в более редких случаях, объявляет опен-колл. Материалы также «заимствуют»: нелегально копируют из других зинов или масс-медиа, иногда без указания авторства, часто без соответствующего разрешения.

Зин как текстовая форма располагается где-то между личным письмом и журналом. Напечатанный на стандартном ксероксе, сложенный пополам в виде фолио и на спице посаженный на скрепку зин обычно занимает от десяти до сорока страниц. Однако порой объем зина может превышать сотню страниц, как в случае Maximumrocknroll, а оформление варьируется от цветных репродукций и обложек из твердого картона, как в Fish Taco, до чего-то трудноопределимого: однажды редактор Frederick's Lament прислал мне на первый взгляд случайную мешанину из смазанных копий, масскультурного мусора и написанных от руки авторских прокламаций, втиснутых в один конверт.

Поскольку зины собирают вручную, используя доступные материалы и технологии (DIY – это главный лозунг в мире зинов), они выглядят соответственно, с неровной версткой со следами копирования, едва различимой печатью и непредсказуемой воспроизводимостью. Тем не менее некоторые зины с большими тиражами, такие как Slug & Lettuce, печатают профессионально на газетной бумаге (печать более 1000 копий обходится гораздо дешевле). Падение цены на персональные компьютеры и распространение настольных издательских систем вплоть до мелких офисов (где работники-зиноделы могут «улучшить» немного времени за компьютером) обеспечивают все большему количеству людей доступ к оборудованию для полиграфии, не уступающей профессиональной.

Зин может быть бесплатным, цена может покрывать почтовые расходы или доходить до пяти

долларов, но особенно широкое распространение получил обмен зинами в рамках бартера как часть этики «участия на равных». Зины в основном пересылают из рук в руки по почте, хотя иногда их продают в книжных или музыкальных магазинах, а также обменивают, продают или раздают на панк-рок концертах, фестивалях, конференциях активистов и других мероприятиях. О зинах узнают по сарафанному радио, из раздела обзоров или из зинов по типу Xerography Debt, Zine World и Broken Pencil.

Жизненный цикл зинов колеблется от одного выпуска до многих томов, выходящих на протяжении нескольких лет, тираж – от восьми копий до двенадцати тысяч в случае Cometbus. Я бы оценил средний тираж в двести пятьдесят копий, поскольку издатели добиваются такого масштаба, который позволяет им полностью контролировать производство и дистрибуцию и в то же время сохранять личный контакт с читателями. В соответствии с издательским идеалом камерности зины – это часто работа одиночек. Небольшую часть зинов выпускают малочисленные коллективы, в большинстве случаев приветствуется вклад других авторов, но по большей части зины – это творческое выражение и продукт одной личности.

Однако существует достаточно исключений из этого правила. В Maximumrocknroll, панк-зине-долгожителе, перечислено около девяноста человек, которые внесли свой вклад в номер. <...> Maximumrocknroll известен своей масштабной, сложной и довольно эффективной организацией труда. Принципиальное отличие MRR от коммерческих изданий, не важно, крупных или мелких, состоит в том, что зин не должен приносить прибыль.

Было бы преуменьшением сказать, что зины не направлены на получение дохода. Большинство приносит одни убытки. Издатели не стремятся быть в минусе: как правило, они рассчитывают выйти в ноль, а если зин принес деньги, то и хорошо, можно вложить побольше в следующий номер. И повторим еще раз – бывают исключения. Майк Гандерлой, бывший редактор Factsheet Five, держался на плаву, публикуя зин, правда, работая вдобавок восемьдесят часов в неделю и периодически наживаясь на компьютерном консультировании. Сменивший его на редакторском посту Р. Сет Фридман использовал похожую стратегию. Но, как правило, за исключением бесплатных зинов и записей, отправленных для обзора, не предполагается, что зины приносят материальную выгоду. На самом деле идея нажиться на зине немыслима для андеграунда и сопряжена с неизбежными обвинениями в продажности.

Предполагается, что зины – это отдушина для свободного самовыражения и платформа для установления связей с более широким миром таких же андеграундных издателей. Но поскольку фактически ни один автор не высылает свои зины для каталогизации в Библиотеку конгресса, не получает номер ISSN и не стремится попасть в Small Press Review или The International Directory of Little Magazines and Small Presses, непросто определить масштабы этого мира. Такие осведомленные эксперты, как Майк Гандерлой, оценивают количество находящихся в обороте наименований зинов как минимум в 10 000–20 000, в то время как другие, например, Сет Фридман, поднимают планку до 50 000 во время пика производства зинов в 1997 г. Я придерживаюсь более консервативной оценки в 10 000 наименований. В таком случае, если использовать стандартную оценку читательского охвата в качестве надежной точки отсчета – три читателя на одну копию, 250 копий на зин, то возможный общий охват аудитории, получившей таким образом первый контакт с одной из граней мира зинов, составлял ни много ни мало 7 500 000 человек. Но поскольку большинство создателей зинов были и активными читателями, которые входили в субкультуру и, как правило, читали немало зинов, реальное количество значительно ниже, вероятнее всего в диапазоне 500 000–750 000 человек.

Представляя андеграундную культуру, естественным образом обращаются к большим городам, традиционной обители богемы, и действительно, многие авторы, жившие в Портленде, Сан-Франциско и Нью-Йорке, выпускали больше зинов, чем представители любого другого населенного пункта. Но более отдаленные города, такие как Харвест (штат Алабама), Фрихолд (штат Нью-Джерси), Морганвилл (штат Канзас) и Монровия (штат Калифорния), – вместе взятые, они превосходили метрополии как очаги распространения зинов. Пристально изучая обзоры зинов в одном из выпусков Zine Guide или Factsheet Five, которые содержали наиболее полный список доступных зинов, я обнаружил, что в маленьких городах, пригородах и сельской местности издано в два раза больше зинов, чем в мегаполисах. Из 1 142 перечисленных американских зинов 749 возникли за пределами крупнейших городов отдельных штатов. Это несоответствие удивительно, но объяснимо: джентрификация и привлекательность богемного образа жизни для людей, не относящихся к богеме, сделали городские цены на жилье и услуги недоступными для многих, особенно для тех, кто пренебрегает стабильной карьерой и материальным успехом. Многие издатели молоды и зачастую живут в пригородах с родителями. В то время как традиционные мансарды уступили место джентрифицированным лофтам, а проку-

ренные кафе были вытеснены сетевыми точками Старбакса, рассеянные по стране изобретательные неудачники использовали культуру зинов, чтобы делиться «культурой» недовольства, определять и поддерживать ее: настоящая богема.

Но что же такое зины? При необходимости выделить один ключевой признак я бы сказал, что зины делают любители (amateur). Хотя этот термин приобрел негативный оттенок в обществе, которое ценит профессионализм и курс доллара, корни любительства (amateurism) вполне благородные: amator в переводе с латинского «тот, кто любит». В то время как другие медиа производятся ради выгоды, славы или общественного одобрения, зины делают, как с гордостью подчеркивает основатель Factsheet Five Майк Гандерлой, по любви: это любовь к самовыражению, любовь к щедрости, любовь к общению. И как протест против культуры и общества, которые не готовы вознаграждать любовь, зины создают и от ярости.

Зины – не единственное выражение любви и ярости, скрывающееся в подполье. Субкультура хип-хопа, хотя и восходящая к другой демографической группе – прежде всего к черному городскому населению – и выкованная расизмом и нищетой, поднимает в рэп-музыке вопросы, звучащие и в андеграундных зинах: репрезентация личности и сообщества, верность себе в противовес продажности, поиск собственного голоса в обществе, которое просто не готово слушать. Безусловно, зиномодель не первая, кто усердно строит альтернативную культуру, только чтобы впоследствии обнаружить, что ее поглощает именно то, против чего она выступает. Это история богемы с середины девятнадцатого века.

Зины – последнее звено в длинной цепочке медиа для тех, кто не признан законом. Традиция уходит корнями во времена Томаса Пейна и других радикальных памфлетистов, продолжается в подпольной прессе 1960-х, а затем развивается в интернете. Тот факт, что зины – не единственное проявление андеграундной культуры и что их путь не уникален, в моих глазах делает исследование только более плодотворным. Хотя мир зинов процветает на задворках общества, его проблемы, которые он пытается решить, актуальны для всех: как лично состояться; как построить крепкое сообщество; как вести осмысленную жизнь; как создать что-то свое.

Некоторые читатели будут без сомнения разочарованы – а другие, я уверен, восхищены – тем, что в последующих главах я в большей степени погружаюсь в мир зинов, чем в научный дискурс. Я сделал этот выбор не потому, что хороших исследований по теме нет – они существуют. И не потому, что я не имею представления о проделанной работе и предложенных ранее теориях – вы найдете их в сносках. Но часто цитирование авторитетов

приравнивают к строгому теоретическому анализу. Иногда анализ подменяют цитатами. Чтобы не попасть в эту ловушку, я отдаю предпочтение самому материалу и его интерпретации. Я сосредотачиваю усилия на описании и объяснении изучаемого феномена и лишь затем на этой основе перехожу к более глобальной теории.

Некоторые также сочтут структуру книги нетрадиционной и, возможно, тревожащей. Я изо всех сил старался понять, как привести в порядок на первый взгляд беспорядочные сюжеты, как подчинить непокорные вопросы. В конце концов я решил структурировать книгу вокруг главных тем мира зинов, используя «виньетки», посвященные отдельным подтемам, в качестве интерлюдий. Я считаю, что это придает баланс разворачивающемуся хаотическому динамизму современного мира зинов и необходимой для его осмысления структурированности. Я также считаю, что это точно передает то, что объединяет мир зинов: идеалы, поступки и влияния. Наконец, это отражает структуру самих зинов: на первый взгляд они несколько фрагментарны, но, собранные воедино, они неизбежно открывают целый мир, предлагают его анализ и утверждают определенную позицию.

Кто-то будет разочарован, что я вообще написал книгу о зинах. Разве это не очередная попытка эксплуатировать зины, «продать» андеграунд миру на поверхности? Возможно. Но альтернативная культура уже была открыта – более важный вопрос состоит в том, кто и как будет представлять ее. Подходы, которые позволяют мне исследовать и объяснять мир зинов, определенно несут отпечаток моих теоретических интересов и политических устремлений, но я принадлежу к тому миру, о котором пишу, и моя озабоченность андеграундом гораздо глубже, чем интерес к модной культурной диковинке. Более того, я добросовестный наблюдатель и внимательный слушатель. И я верю: то, что зиномеды хотят донести, и то, что они собой представляют, слишком значительно, чтобы кануть в стенах субкультурного гетто.

Когда имеешь дело с чем-то настолько своеобразным как зины, возникает осязаемый соблазн просто протянуть читателю стопку и позволить ему самому решать, что у него в руках. Но это невозможно, а в свете замысла этой книги и не желательно. За последние годы я проштудировал тысячи зинов и взял множество интервью у их авторов и читателей. Я сам публиковал зины и был частью андеграундной культуры. Я читал все, до чего мог дотянуться, и пристально следил за временем, в котором мы живем. В последующих главах я применю весь свой опыт как ориентир, чтобы разметить философский и политический ландшафт, все повороты и перипетии, любовь и ярость, которые составляют этот странный таинственный мир.

Послесловие Зины еще имеют значение? Некоторые мысли о селфпаблишинге в цифровую эпоху

Когда в середине 1990-х годов я писал «Записки из подполья», я определил зины как «пестрые голоса скрытого мира». Более десяти лет спустя зины все еще издаются, и, думаю, мое определение по-прежнему актуально: зины – это творческое выражение мира андеграунда, которое остается вне поля зрения большинства людей.

Удивительно, как мало изменилась зин-сцена. Мо все еще издает Xtra Tuf, и он до сих пор «бесплатный для женщин, занимающихся коммерческой рыбалкой». Cometbus выпустил пятидесятый номер, в котором Аарон продолжает рассказывать истории о своей жизни на обочине, даже если теперь это окраины Нью-Йорка, а не Область залива⁸. Что касается политики, зины остаются на периферии политического мейнстрима, отстаивая свою позицию прокламациями (*Это я сумасшедший... или весь мир сошел с ума????*) или разоблачениями (*ЦРУ делает научную фантастику скучной*). И зины по-прежнему упиваются абсурдной эфемерностью нашей культуры, будь то биографии давно забытых ученых в Rogue Reader Д. Б. Педлара или любовно нарисованные вручную портреты чемпионов по боулингу Криса Пернулы в Bowling Stars 1989 года. (Серьезно ли? Иронично ли? А важно ли это?)

Как заметил Дж. Л. Хекман в Work Stories, зины по-прежнему описывают и порицают изнуряющий труд, который большинство из нас выполняет за деньги. В то же время зины свидетельствуют о возможности труда иного рода – который делается, по словам пионера зин-сцены Майка Гандерлоя, «ради любви, а не денег». Зины продолжают отстаивать стиль жизни «лузеров», таких как «Бабби» из комикс-зина Криса Джонстона «Мой друг Бабби». И, вероятно, самое важное – зины по-прежнему фиксируют и транслируют обычные мысли, возможно, не совсем обычных людей, пытающихся осмыслить свое место в мире, в который они, по их частому ощущению, не вполне вписываются.

Даже эстетика зинов не слишком изменилась за последний десяток с лишним лет. Текст по-прежнему вырезают и наклеивают поверх изображений, введения до сих пор пишут от руки, по страницам по-прежнему разбросаны любительские картинки и комиксы, для драматического или комического эффекта все еще воспроизводят странные вырезки из прессы. Внешне многие зины выглядят одинаково: отскерокопированные и отпечатанные на стандартной бумаге, сложенные

⁸ Имеется в виду Область залива Сан-Франциско (прим. пер.).

пополам и скрепленные по корешку. Мир зинов остается на удивление стабильным, тогда как мир селфпублишинга радикально изменился.

В заключении к первому изданию этой книги я написал: «Каково будущее зинов? Одним словом: компьютеры». Едва ли я рисковал, делая такое предсказание. Даже тогда, когда интернет только-только вырвался из своего гиковского гетто, а сетевой графический интерфейс лишь начинал набирать обороты, трансформирующая роль компьютеров для всех форм коммуникации была очевидна. Сегодня, по крайней мере в сверхразвитом мире, компьютеры проникают почти во все аспекты нашей жизни. Стоимость технологий упала, публичный доступ к интернету улучшился, а новое программное обеспечение делает создание и распространение собственных медиа-творений еще проще. Мы живем в цифровую эпоху.

Это поднимает несколько очевидных вопросов: в эту цифровую эпоху, когда любой человек с компьютером может публиковать все, что захочет, для миллионной анонимной аудитории, устарели ли аналоговые зины? Игруют ли блоги, личные веб-сайты и социальные сети ту роль, которую когда-то выполняли зины? Являются ли современные зины самиздатским эквивалентом неказистого старичка в нейроничной футболке группы из 80-х, который маячит позади толпы на рок-концертах? (*mea culpa*). Подводя итог: являются ли печатные и самодельные зины всего лишь упражнением в ностальгии?

Частичный ответ на этот вопрос звучит неудобно: да. По ходу истории производители зинов внедряли новые технологии в свою практику. Они быстро освоили небольшие ручные прессы в 1930-х, мимеографы в 1950-х, ксероксы в 1980-х и настольные издательские системы в 1990-х – зачем же останавливаться сейчас и фетишизировать материальность бумаги? Можно с полным основанием утверждать, что блоги – это всего лишь эфемерные персональные зины⁹, а фан-сайты в интернете – не что иное, как фанзины, выложенные в цифровом формате. Вероятно, единственное, что отделяет зин от всех этих новых форм компьютерно-опосредованной коммуникации, – это носитель.

Зины всегда были чем-то большим, чем просто слова или картинки на бумаге: они являются воплощением этики творчества, утверждающей, что каждый может быть творцом. Профессиональные газеты, глянцевого журналы и академические издания, арт-галереи и телешоу, независимо от их содержания, несут один и тот же посыл читателю или зрителю: вы не можете сделать это сами, вы недостаточно квалифицированы, у вас нет необходимых ресурсов, так что просто расслабьтесь, цените и потребляйте культуру, которую для вас создали профессионалы.

⁹ Персональные зины (от англ. *personal* – личный – жанр зинов, посвященных личному опыту, мнениям и наблюдениям конкретного человека (прим. пер.).

Зин, со всеми его любительскими, дешевыми, неряшливыми швами, говорит читателю нечто другое: это легко, ты наверняка смог бы создать что-то столь же хорошее, теперь иди и сделай это сам. В этом смысле зины глубоко демократичны. Однако если идеал DIY составляет саму суть производства зинов, то интернет служит этой цели гораздо лучше, чем копировальный аппарат. На пике своего развития издание зинов охватывало, может быть, десятки тысяч людей – селфпублишинг в интернете затрагивает миллионы. С этой точки зрения можно утверждать, что в то время как зины обещали демократизацию СМИ, интернет фактически осуществил это обещание.

Но в блогах, фан-сайтах и страницах соцсетей что-то теряется, и я думаю, это что-то имеет прямое отношение к демократизации. Я вспоминаю случай, обсуждавшийся в другом контексте ранее в этой книге, который произошел в зин-сцене начала 1990-х гг. Это было на волне открытия андеграунда Сиэтла и «альтернативной музыки», когда зины привлекли некоторое внимание мейнстрима. Моего друга Пита, который издавал блестящий зин *Dishwasher*, пригласили на телешоу *Late Night* с Дэвидом Леттерманом, чтобы поговорить о зинах и стремлении мыть посуду во всех пятидесяти штатах. Пит согласился, но потом послал друга, чтобы тот выдал себя за него. Пока Леттерман брал интервью у фальшивого Пита, все мы, участники зин-сцены, смотрели и от души смеялись над этим. Если мир мейнстрима думает, что он может присвоить нашу культуру, то мы скормим ему фальшивку. <...>

Один писатель, у которого я брал интервью для этой книги, сравнил свое открытие зин-сцены с падением Алисы в кроличью нору и выходом в совершенно другой мир. В этом новом мире найденные на земле клочки бумаги становятся основой для творчества, а работа в *Kinko's* – привлекательной должностью. Прачечная самообслуживания может стать секретным местом для поэтических чтений, а «фрик», «лузер» или «анархист» – это комплимент, а не оскорбление. Это был скрытый мир подполья, противопоставленный линейному миру наверху. Вокруг правил этого мира постоянно шли дебаты: брать ли деньги за зин или его можно только обменять на другой? Законно ли обращаться в типографию, или нанимать кого-то, кто будет печатать для вас, – это предательство этики DIY? Продан ли ты, если написал книгу о зинах? Но тот факт, что эти вопросы постоянно обсуждались, сплотил сообщество. По сути, мы определяли и переопределяли альтернативную культуру.

Мир селфпублишинга в интернете не является альтернативной культурой. Нет культурной цены за вход в цифровую сферу, нет тайных ритуалов, которые нужно освоить, или правил, которые нужно соблюдать (или даже обсуждать).

Результатом этого стала множественность голосов и ценностей. В этом нет ничего плохого; на самом деле, в этом много хорошего. Но это разнообразие не формирует сообщество, и поэтому нет никаких единых общих ценностей. Это не значит, что ценности вообще не выражены, но это означает, что в отсутствие набора контрнорм ценности, сформулированные или проявленные в сети, часто могут соответствовать ценностям доминирующих арбитров культуры: рынка и культурного истеблишмента. Таким образом, блоги становятся визитными карточками для начинающих мейнстримных писателей, страницы Facebook¹⁰ становятся рекламой своей персоны и так далее.

Когда ценности, которые мы так бережно взращивали, выходят в более широкий мир, они трансформируются. Возьмем, к примеру, нашу священную этику DIY. В зин-сцене DIY означает отказ от потребительства: мы не хотим потреблять культуру, которую создали для нас другие, поэтому вместо этого мы сами создаем собственную культуру. Но культура DIY теперь стала крупным потребительским бизнесом: скрапбукинг – это предприятие стоимостью 2,5 миллиарда долларов, а воркшопы Build-A-Bear заполнили торговые центры по всей стране. Интернет-гигант Google теперь владеет YouTube, который наполняют сами юзеры, а сайты вроде Etsy.com создают платформу для людей, которые делают что-то своими руками, чтобы продавать свои творения тем, кто не делает сам. Не то чтобы я осуждал эти вещи. Etsy.com создали мои бывшие студенты, и я ценю, что он помогает независимым творцам зарабатывать на жизнь. Скрапбукинг доставляет творческое удовольствие миллионам людей. И, к моему большому ужасу, мой сын действительно любит медвежонка, которого он «собрал». Я лишь указываю на то, что по мере распространения этики – по мере ее демократизации – она мутирует и теряет свои первоначальные значения, которые у нее когда-то были. В зин-сцене мы проповедуем этику DIY и демократического творчества, но опыт селфпублишинга в интернете показывает, что когда каждый начинает выражать себя, то в этом нет масштаба или последовательности, которые способствуют формированию альтернативного мировоззрения.

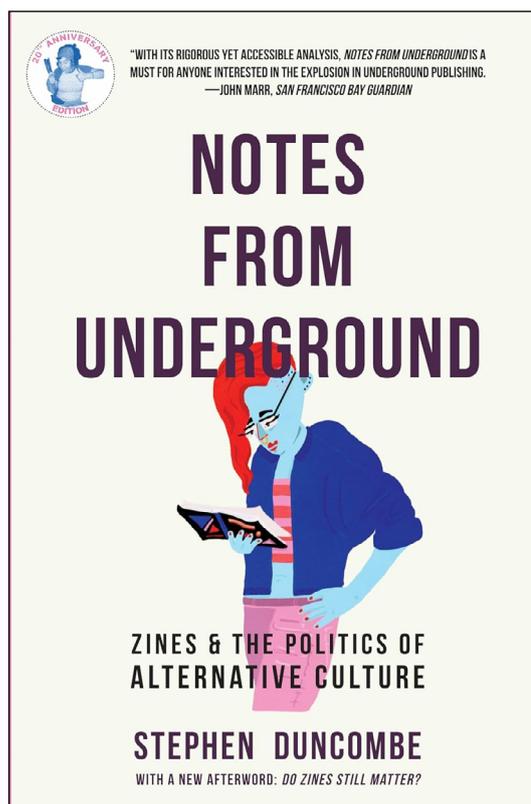

Рис. Обложка книги

Мир зинов, как и любой богемы, – это гетто. Это звучит негативно, но я не вкладываю негативных смыслов. Ведь в этом гетто мы задаем стандарты того, что составляет реальное самовыражение и креативность, не позволяя академии, миру искусства или коммерческому рынку культуры устанавливать эти определения. Мы создаем альтернативную культуру. Возможно, селфпублишинг демократизировался с появлением интернета, но в рамках зин-сцены DIY – это больше, чем просто издательская практика, это полноценный способ мышления, бытия и созидания; общий идеал того, какими могут быть культура, сообщество и творчество. Именно это подпольное видение нужно развивать... и делиться им. Зины делают это, и именно поэтому они имеют значение. Они по-прежнему остаются записками из подполья.

Перевод Г. А. Сегеды и А. К. Головановой

¹⁰ Социальная сеть Facebook – продукт компании Meta Platforms Inc., запрещенной на территории РФ, внесенной Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторингом) в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Национальная часть. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 30.01.2025).